

От автора.

Эту книгу я начал писать много лет назад и с тех пор множество раз переписывал. Судьба Новых Богов, Хедина и Ракота, добившихся победы над былыми владыками Вселенной, Молодыми Богами - Ямертом и его родней прослеживалась и в книгах цикла «Хранитель мечей», однако конфликт остался неразрешённым.

В «Гибели Богов-2» очень много сюжетных линий и персонажей. Я не раз обещал своим читателям, что постараюсь показать завершение многих историй, начатых в более ранних книгах. Однако, когда имеешь дело с историей такой сложности и такого масштаба, нельзя ожидать, что в рамках «первого тома» будут сказано «всё и о всех». Состав действующих лиц будет меняться от книги к книге, в соответствии с развитием сюжета. А кто же есть, спросите Вы тогда?

Есть наша старая знакомая Клара Хюммель и её муж, дракон Сфайрат. Есть крылатая воительница Гелерра, есть её соратники — гномы Арбаз и Креггер, тёмный эльф Ульвейн и другие, упомянутые среди подмастерьев великого Хедина.

Есть, конечно же, сам Познавший Тьму, есть Сигрлинн, вырвавшаяся из плена в конце «Войны мага», есть неистовый Ракот. Есть и новые лица, такие как молодой клирик Матфей Исидорти, помощник отца-библиотекаря в монастыре Сил Святых.

Меня часто спрашивали, не опишу ли я события от лица Молодых Богов, Новых Магов или, к примеру, кого-то из

апостолов Спасителя. Отвечу так: всё возможно, но не в этом томе.

А теперь — в путь.

ГИБЕЛЬ БОГОВ 2. Книга 1. Память пламени.

ЗАЧИН

Ветер гонит сплошное, без разрывов стадо серых медлительных туч. Им нет ни конца, ни края, от окоёма и до окоёма нет ничего, кроме лишь серо-стальной пелены. Лишь кое-где над серым морем вздымаются иссиня-чёрные пики. Они наги, ни снега, ни льда, словно неведомая сила препятствует исполнению всевечных природных законов.

В серой мгле, что царит над слоем непроглядных туч едва различимо дневное светило. Его лучи бессильно тонут в заткавшей всё пространство пелене и неведомо даже, есть ли что-то там, внизу, под облаками.

Но вот — что-то дрогнуло, заколебалось, взволновалось в сплошных волнах бесцветного моря; мгла за клубилась, взвихряясь, расступаясь перед неким существом, , поднимающимся по склону чёрного пика. Блеснуло тусклое золото — единственный живой цвет в серо-агатовом царстве.

Исполинский золотой дракон медленными извивами взбирается по голому камню. Сейчас он напоминает скорее громадного змея, чем

крылатое сказочное существо, и непонятно даже, есть ли у него вообще крылья. Из широких ноздрей вырываются струйки пара, поблескивает мокрая чешуя.

Он достигает вершины, обвивает чёрный пик золотыми кольцами и замирает, вскинув устрашающего вида голову. Пасть распахнута, но не раздаётся ни звука. Зов — если он и звучит — недоступен слуху смертных или бессмертных.

Ответ не заставляет себя ждать. Под ударами могучих крыльев расступается, разлетается в стороны серая мгла, в просторах неба возникает силуэт громадного орла, каких нет и никогда не может существовать в природе, никакие мышцы не поднимут в воздух такого исполина.

Орёл снежно-бел. Каждый взмах его крыльев, неторопливый с виду, покрывает поприща. Он спешит на зов золотого дракона, обвившего вершину мёртвой горы.

Чёрное, золотое, серое и белое.

Две сущности, два Столпа замирают друг против друга. Орёл не садится, он висит в воздухе, крылья вздымаются и опускаются, коричневые глаза не отпускают взгляд золотого дракона.

Меж ними идёт разговор без слов и звуков. И, если бы мы, смертные, смогли робко выглянуть из-за кулис, тщась ухватить хотя бы отрывки беседы великих, то, наверное, мы уловили бы вот что:

— Вспыхивают и гаснут солнца. Рождаются и умирают звёзды, чтобы, сбросив в огне прежнее обличье, дать начало новому. Вихри межмирового пламени несут смерть морям и равнинам, лесам и лугам в равной степени. Мёртвые пространства остаются таковыми

бессчётные годы, пока великие мельницы сущего не смелют плоть отжившего мира, раздробив на мельчайшие атомы, что дадут начало новым мирам и звёздам. Нет в этом места ни жалости, ни состраданию, лишь голая, ничем не прикрытая необходимость.

— Но равновесие нарушено. Замедляются и застывают великие жернова, останавливаются зубчатые колёса и передачи. Незримые машины небес и подземелий, равно скрытые от смертных и бессмертных, перестают работать.

— Слишком глубоко проник в Упорядоченное Неназываемый. Он остановлен, но не отброшен. И волны расходятся всё дальше и дальше.

— Слишком многие также охотятся за человеческими душами, залогом возрождения и обновления. Спаситель встаёт на пути идущих к великому Орлу и что случится, когда Он...

На спине золотого дракона разъярённо вздымается чешуйчатый гребень. Орёл гневно щёлкает клювом.

— Но что может помочь? Что оживит потоки магии, что придёт на подмогу тем, кто стоит насмерть, защищая существующее?

Отвечают оба, вместе, не глядя друг на друга:

— Кровь.

* * *

Шаги отдаются гулким эхом, раскатываются под красно-кирпичными сводами, звуки разбегаются, словно в панике от его приближения. Хозяин замка идёт по сумрачным галереям, где в нишах вместо статуй застыли чучела диковинных многоногих созданий: Сохранённые изошрённой магией, тела кажутся живыми,

только погружёнными в глубокий сон. Устрашающего вида когти, клыки и жвалы словно готовы вот-вот прийти в движение, пробудиться к жизни. Если долго всматриваться в раскрытые глаза чудовищ, рано или поздно начнёт казаться, что зрачки то расширяются, то вновь сжимаются. Пристальный взор заметит едва ощутимую дрожь кожистых век, мельчайшие подвижки чешуйчатой брони. Твари на самом деле кажутся погруженными в странное оцепенение — но кто, зачем и почему сделал это?

Шаги удаляются. Стихает их отзвук, и воцаряется зловещая тишина, лишь изредка нарушаемая какими-то странными звукам — едва слышным взбулькиванием, клокотанием, пощёлкиванием, скрипом — словно чудовища ворочаются во сне, пытаясь разорвать невидимые цепи магии, что держат их крепче любых решёток и привязей.

Хозяин замка выходит во двор, пересекает его, ступая по пыльным каменным плитам. Двор пуст, нигде ни одной живой души. Впрочем, мёртвых душ тут не видно тоже, чучела остались внутри. Ворота, не сделанные, не выкованные, являют собой две громадных каменных плиты, поставленные стоймя — и сейчас они настезь распахнуты. Поднята опускаемая решетка. Ржавчина покрыла цепи, барабаны и лебёдки подъёмного моста. Ров вокруг стен обмелел, оплыл, зарос мясистой осокой, тростником, кувшинками. Изредка рассекают воду, подняв над поверхностью треугольные головы, мирные водяные ужи, охотящиеся за лягушками.

Замок плывет над мирами. Простирается вниз бездна, где-то там, «внизу» — реальность и межреальность, пространство и время,

хрустальные сферы светил и потоки магических энергий, где-то там вьётся, извивается Великая Река Времени, где ведут вечную свою игру Драконы. Замок — над ними. Когда-то он был крепостью древних чародеев, ушедших Поколений Истинных Магов и неведомо сколько веков простоял пустым. В нём оставались лишь чудища, безмолвные стражи пустой могилы.

Его новый хозяин задумчиво стоит у самого края провала. Островок, на котором воздвигнута крепость, песчинка в огромном просторе аэра, плывёт над переливающимися облаками, каждую секунду меняющими форму.

Над головой — крошечный кусочек неба. Настоящего неба, голубого, с двумя солнцами. Огненно-красным и ослепительно-золотым. Тучки пробегают от края до края небосклона, отталкиваются от ясно видимого окоёма, отлетают обратно в середину. Небо раскрыто, словно зонтик. Оно только над замком, над его шпилями и черепичной крышей.

Хозяин замка стоит над бездной. Руки упёрты в широкий пояс драконьей кожи. Тянутся секунды, расплавленное время течёт горячей лавой; где-то гибнут миры, где-то рождаются новые звезды; Хозяин стоит. Он знает, что в угрюмых заводях Великой Реки, куда не решаются заплывать даже неугомонные Драконы Времени, его мгновения обернутся днями или даже неделями; и он знает, что мешкать больше нельзя.

«Пора», - шепчет ветер над острыми шпилями. «Пора», - поднимаются из бездны к нему бессчётные голоса, голоса тех, кому суждено жить и умереть, чья жизнь лишь краткая вспышка неяркого

огня в густом мраке Вечности. «Пора», – слышит он бесплотные слова тех, с кем когда-то дружил и враждовал, с кем, бывало, сиживал за пиршественными столами и сходилась грудь на грудь в сражениях — пока не стал тем, кто есть сейчас.

Пора, пора, пора. Грудь сжимает яростный восторг, восторг долгожданного боя. Время пришло. Всё сейчас благоприятствует успеху.

Он медлит ещё одно краткое, неразличимое мгновение, впитывая в себя остающийся позади замок, и его сумрачных обитателей, и облака над головой — все, что он оставляет за спиной — и одним духом, словно ныряльщик с утёса, бросается в бездну.

Мир, Астрал, Межреальность. Упорядоченное послушно расступается перед ним. И тело исчезает, чтобы миг спустя появиться в невообразимых провалах Сущего, там, где вновь вскипает кровавая пена боя, чтобы вновь, в который уже раз, под чужою личиной, сойтись грудь на грудь. Задержать хоть на миг наступление того момента, который, хозяин знал, непременно наступит. Но пока мы живы — мы будем надеяться, что победим смерть. Иначе мы не можем жить. Мы, смертные.

То же самое относится и к Богам. Если, конечно, это Настоящие Боги — в чём кое-кто может и усомниться.

Будет кровь.

Кровь...